

Літаратура

1. Мішчанчук, М. Вернасць: Вершы і паэма / М. Мішчанчук – Мінск: Мастацкая літаратура. – 1979.
2. Мішчанчук, М.І. Струна надзеі: вершы, паэмы, пераклады / Мікола Мішчанчук – Брэст: Альтернатыва. – 2009.
3. Мішчанчук, М. Трывожуся за белы свет: Вершы / М.І. Мішчанчук – Мінск: Мастацкая літаратура. – 1984.
4. Мішчанчук, М. Феномен гэтага пакалення вызначаны тым рамантычна-ўзнёслым часам // Крыніца. – 2001. – № 11-12. – С. 198 – 204.

O.V. Lapatinskaya

Vitebsk State University named after P.M.Masherov

e-mail: klit@vsu.by

Ethical imperatives of N.Mischenchuk

Key words: lyrics, N. Myshchenchuk, motif, image, theme, ethical.

Ethical imperatives of N. Myshchenchuk are analyzed.

Н. В. Летаева

Одинцовский филиал Московского государственного института
международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации
e-mail: n.letaeva@odin.mgimo.ru

УДК 82

ФЕНОМЕН Л. ТОЛСТОГО В САМОСОЗНАНИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ (на материале журнала русского зарубежья «Числа»)

Ключевые слова: русское зарубежье, критика, «Числа», младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции, Л.Н. Толстой.

Работа вписывает в современное толстоведение журнал первой волны русской эмиграции «Числа», сотрудники которого определяли место Л.Н.Толстого в мировой культуре, соотносили художественные открытия писателя с мировидением творческой интеллигенции русского зарубежья.

Одним из значимых изданий русского зарубежья являются литературные сборники «Числа», предоставившие начинающим прозаикам, поэтам и критикам русской эмиграции страницы «толстого» журнала, где, кроме всего прочего, обсуждались сложные теоретические проблемы, вопросы назначения искусства, наследие русских классиков, в том числе и Л.Н.Толстого.

Толстой, которого называли «гигантом» золотого века, причастным к формированию духа «всеобщности, всечеловечности и всемирности русской культуры», «гениальным творцом русской национальной литературы», создателем «традиций и образцов», имеющим последователей, «внеисторическим выдумщиком», по изданию произведений за рубежом занимал первое место. С.Маракуев в заметке о Чехословакии отмечал, что Толстой относился к числу русских писателей, «знакомство с которыми обязательно для каждого образованного чеха» [1, с.232]. В заметке о русской культуре в Латвии сообщалось, что в Латвии Толстого ставят, издают и переводят. И.Голенищев-Кутузов в очерке о русской культуре в Югославии писал, что Толстой вместе с другими русскими писателями XIX века оказал влияние на сербскую и хорватскую литературу, в частности на сербский роман и сербскую новеллу. Толстому было посвящено исследование Милицы Богданович, а в юбилейный год – «специальные выпуски лучших югославянских журналов» [2, с.295]; пьесы Толстого были поставлены в Народном театре в Белграде под руководством режиссёра Ю. Ракитина, ученика Станиславского; Иво Войнович создал «Оду на смерть Льва Толстого», а Лаза Лазаревич после знакомства с Толстым, как утверждает Голенищев-Кутузов, отказался от творческой деятельности на несколько лет: «столь казалось ему всё ничтожным по сравнению с произведениями яснополянского гения» [2, с.295]. Как писала И.Немировская, Толстой вызывал у европейцев мощное ощущение «переселения в другую страну» [3, с.249].

Популярность Толстого за рубежом жидчилась в том числе и на нравственном учении. Так, в Японии сформировалась школа последователей «проповедника непротивления», состоявшая из обеспеченных молодых японских писателей, не отличавшихся, однако, большим талантом. Проникновение в этическое учение Толстого было столь велико, что некоторые из последователей воплощали идеи опрощения в жизни. Так, например, Такэо Арисима, автор рассказов о студенческой жизни в Америке, отдал свои земли, а дом и акции пожертвовал на образование рабочей молодёжи. Другой японский писатель Сансатцу Мисакодзи, автор произведения автобиографического характера «Некто» о влиянии философии Толстого на мировоззрение главного героя, основал с друзьями на острове Киу-Сиу (Кюсю) своего рода коммуну для осуществления идеи опрощения на практике. Такое проникновенное отношение к Толстому тем не менее не помешало японцам весьма посредст-

венно экранизировать роман «Воскресенье». Анекдотическую ситуацию влияния Толстого на японский романс описал Н. Оцуп: речь шла о жалобно-нежном романсе о неверном Нехлюдове и Катюше, исполнители которого не только о «Воскресенье», но и о Толстом имели смутное представление.

В среде русских эмигрантов Толстой воспринимался весьма неоднозначно. Опасного «смутьяна» видела в Толстом Е. Бакунина, отражая свою позицию в монологе главной героини романа «Тело»: «И я уроженка неблагополучной страны, где и глад и мор, мятеж и гнёт сменяли друг друга и где неожиданно, ни с того, ни с сего, рождались и смутьянили души Достоевский и Толстой, Бакунин и Ленин» [4, с.35]. И.Лукаш соотносил идеи Толстого с идеями «хаоса и разрушения» (шире – предательства нации), под которыми оказалась «погребена» литература. А. Ремизов полагал, что Толстой вместе с Тургеневым, Писемским и Лесковым «изобразил полчища бесов», «имя которым <...> самодовольная праздность» [5, с.180].

Некоторым, в частности Г.Адамовичу, импонировало «глубоко человеческое, очищающее и честное величие» Толстого, но было чуждо толстовское понимание жизни, а именно навязчивая идея «совлечения покровов», ставшая главным художественным приёмом писателя, ради доказательства человеческого лицемерия, и эта навязчивость, закрепившая за писателем репутацию «сердцеведа», привела к тому, что в лицемерии Толстой заподозрил и Бога. Это позволяло Г.Адамовичу утверждать, что Толстой эксплицирует «сумерки, мощь, варварство» российской действительности [6, с.169]. Г.Адамовичу было чуждо и толстовское «щегольство деталями» (в противовес «писанному кровью»), излишнее объяснение психофизических процессов. Отсюда, как полагал критик, недоверие идущих на смену Толстому писателей «к образной яркости», способной «убивать» литературу, ограничивать «её область».

Младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции смотрело на Толстого иначе. Ю.Терапиано в статье «Человек 30-х годов» писал о том, что современному автору «Смерть Ивана Ильича» ближе, чем «концепции о смерти, Боге и судьбах человека», потому что в Толстом больше искренности и честности, способной сказать «не знаю», «не умею», «не могу об этом говорить» в тех ситуациях, когда слова излишни, и «не могу молчать», когда слова необходимы. Как писал В. Варшавский, «всё творчество Толстого выросло из страшного и неслыханного усилия его сердца вырваться опять в любовь как в “истинно-существующее” бытие. <...> Это был последний услышанный людьми христианский призыв к борьбе “до победного конца” даже в том случае, если очевидно, что “победного конца” не будет и не может быть» [7, с.265]. Полагаем, подобное восприятие творчества Толстого дало возможность В. Варшавскому предположить, что после Толстого «литературе суждена иная судьба».

Ю.Фельзену Толстой представлялся «бесконечно-совестливым, праведным творцом», пытавшимся «улавливать, додумывать, объяснять», и в этом отношении Толстому, как считает Фельзен, близок Пруст. Проводил параллели между Прустом и Толстым Д. Мережковский: «Что наворожил “Войной и миром” Толстой, мы знаем – первую всемирную войну; что навораживает Пруст “Содомом и Гоморрой”, мы ещё не знаем. Между Толстым и Прустом явной связи нет, но есть, может быть, тайная. Всё у Толстого – к войне, всё у Пруста – от войны. Что значит “Война и мир”, мы поняли только в войне; только в мире, может быть, поймём, что значит “Содом и Гоморра”» [8, с.184]. К слову, Пруст, по мнению М.Алданова, многим был обязан Толстому, в частности, как утверждал И.Шмелёв, приёмами, однако «где Толстой режет одной чертой, Пруст выписывает и крутит». Г.Иванов, напротив, полагал, что Толстой на фоне Пруста «перестаёт “сиять”, вянет, блекнет».

Сотрудники «Чисел» проводили параллели между Толстым и Андре Жидом, «отсветы Толстого» отмечались в творчестве Куприна, Зоценко. В этой связи интересен факт, на который с сожалением указывал В.И.Талин (С. О. Португейс): Бунин на своём вечере воспоминаний о встречах с русскими писателями, к удивлению многих, весьма поверхностно затронул вопрос взаимоотношений с Толстым, несмотря на то что Бунин-художник находится в явном родстве с художником Толстым. Как писал С.Шаршун, после Пушкина и Толстого Бунин – «самый дневной, солнечный, олимпийски целомудренный русский писатель» [9, с.224].

Анализируя творческое наследие Толстого, сотрудники «Чисел» обращали внимание на создание Толстым условно народного языка, «в котором простонародные слова выражаются в речи книжного литературного склада», а также на то, что писатель «отрицал умственные виды творчества и работы», но при этом, отдавая предпочтение помещикам и крестьянам, уважал «государственно-строительную работу», что детство, изображённое Толстым, не есть детство, а «потерянный рай взрослого Толстого», что образом Наташи Ростовской Толстой-философ «развенчивает любовь», что Толстой в своих произведениях «покоряет мощью жизненного порыва» и последнее, как полагал П.Бицилли, составляло «жизненную драму Толстого. Своё душевное здоровье он переживал, как болезнь».

Оппонируя Г.Адамовичу и С.Завадскому, назвавшему Толстого «великим упростиателем», П. Бицилли, акцентируя внимание на религиозных взглядах писателя, утверждал, что, упрощая,

Толстой «даёт новый синтез жизни», «участвуя всем своим существом в той Все-жизни, что даёт себя знать в процессах, на какие он “сводит” её высшие проявления. Поэтому, сводя высшее к низшему, Толстой не обесмысливает его; разлагая Сложное на Простое, не умерщвляет его, разоблачая секреты живущих, делает лишь ощутимее Тайну самой Жизни. <...> Толстой подчиняет Жизнь Хозяину» [10, с.172]. Критик относил Толстого к наиболее правдивым русским писателям, отмечая «честность, ненависть ко всякой фальши», и сетовал на то, как ничтожно мало места отвёл в своих очерках по истории русской культуры П.Миллюков «благодетелю романа». О толстовской «жадности к жизни», «непреодолимой потребности как можно полнее, как можно разностороннее увидеть и понять жизнь как можно более разных живых существ» писал и Н.Оцуп.

В «Числах» имя Толстого нередко использовалось в качестве прецедентного имени. В результате появлялись такие обороты, как: «Если даже Толстой <...> проглядел главную тему некрасовской поэзии, – стоит ли в этом винить Фета» [11, с.164]; «Читая эту проникнутую грустью книгу, невольно вспоминаешь слова Толстого <...>»; «И как говорил Толстой, “после глупой жизни придёт глупая смерть” <...>»; «Вообще, как историк, М.Цетлин – немного в духе Льва Толстого – не склонен преувеличивать значение отдельной личности <...>»; «И если европеец ещё знает кое-что о Толстом <...>, то о русской архитектуре классического периода и эпохи русского ренессанса <...> даже представители искусства почти ничего не знают»; «Много ли русских людей, называя <...> Толстого <...>, вспомнят о Денисе и Рублёве?»; «Иногда кажется, что и Толстой так хорошо не описывал “пейзажи”».

Могли возникнуть и неожиданные метафоры: Вельский «стал быстро подыматься по лестнице, испытывая необыкновенное удовольствие от лёгкости своей походки, своей элегантности, свежести своего шёлкового белья и ловкости костюма, от сознания, что он ещё не стар и выкупан в душистой ванне, что там, куда он сейчас войдёт, его ждут, как желанного, дорогого гостя. – “Как Китти на бал, – мельком подумал он. – Как правильно Толстой подметил всё, как удивительно верно!”» [12, с.36]; Вильгельм «подумал, что не бывает “удесятерённого” чувства жизни и он сделал ошибку, ожидая, что жизнь будет такой, как жизнь в романах Толстого и Достоевского, выдуманная страшной силой их страдания и любви»; «Нашего полку прибыло – Толстой коммунист! что ещё на это скажут московские “братушки!”»; «Шуми, мотор, крути Гаврила по Достоевскому проспекту на Толстовскую площадь»; «Наивные дети! И Толстой, правдиво разложивший Наполеона, и Ленин, оценивший эту правдивость. Но и Наполеон и Толстой, сколько бы ни срывали с них масок, живы и будут жить в легенде».

Толстого использовали в качестве иллюстративного материала для доказательства своих положений, как это делал, например, Л.Шестов, апеллировали к его мировоззрению: «<...> я придаю этому слову (воскресение – Н.Л.) смысл, который ему придаёт Толстой»; «Литературное произведение – дело жизни. Пишется не для кого и не для чего, а только для самого того, что пишется и не может быть не написано. Толстой исправлял и переписывал свои произведения не для себя и не для Софьи Андреевны, а чтобы выразить как можно яснее то, что думается. Для писателя, когда он пишет, не существует никакого читателя» [13, с.284]; «Творят, разумеется, все. И если плоды различны, то “механика” творчества, надо полагать, у всех сходна. Тот факт, что кристаллик Толстого преломлял лучи под тем же оптическим углом, что и кристаллик капитана 2-го ранга Лукина, – имеет свои последствия» [14, с.289].

А.Бахрах, отзываясь о книге А.Белого «На рубеже двух столетий», отмечал критический взгляд Белого на окружение Толстого, «давящую, замыкающую, снижающую обстановку» в доме Толстых, создающую впечатление, «что это выставка спеси и легкомысленного болтания Софьи Андреевны о “великом”, но смешном муже, точно он – выставочный предмет, на который сбежались глазеть, но который для неё предмет домашнего обихода. И потому, когда “великий” показывался в гостиной, делалось отчего-то всем стыдно: вероятно, более всего ему».

В целом в «Числах» Толстой раскрыт многогранно. Представленная в данной статье общая характеристика толстовского дискурса в «Числах», расширяя известные работы о восприятии Толстого русским зарубежьем, интересна исследованием весьма неоднозначной оценки «Числами» личности и творчества Толстого.

Литература

1. Маракуев, С. Письмо из Чехословакии // Числа. – Париж, 1932. – №6. – С. 231 – 234.
2. Голенищев-Кутузов, И. Русская культура в Югославии // Числа. – Париж, 1930. – №2/3. – С. 293 – 297.
3. Немировская, И. André Mourgois. Tourguénev. Grasset 1931 // Числа. – Париж, 1931. – №5. – С. 248 – 250.
4. Бакунина Е. Тело: Введение в роман // Числа. – Париж, 1933. – №7/8. – С. 34 – 50.
5. Ремизов, А. Пятидесятилетие со смерти Тургенева. Тургенев-сновидец, 23 X 1818 – 22 VIII 1883 // Числа. – Париж, 1933. – №9. – С. 179 – 181.
6. Адамович, Г. Комментарии // Числа. – Париж, 1930. – №2/3. – С. 167 – 176.
7. Варшавский В. Сергей Горный. «Ранней весной». Изд. «Парабола». Берлин, 1932 г. // Числа. – Париж, 1933. – №7/8. – С. 265 – 266.
8. Мережковский, Д. С. Европа – Содом: из книги «Атлантида – Европа» // Числа. – Париж, 1930. – №2/3. – С. 183 – 196.
9. Шаршун, С. Похвальное слово И. А. Бунину // Числа. – Париж, 1934. – №10. – С. 224 – 225.

10. Бицилли, П. Венок на гроб романа // Числа. – Париж, 1933. – №7/8. – С. 166 – 173.
11. Оцуп, Н. Из дневника // Числа. – Париж, 1930. – №2/3. – С. 155 – 166.
12. Иванов, Г. Третий Рим // Числа. – Париж, 1930. – №2/3. – С. 26 – 54.
13. Ремизов, А. Для кого писать // Числа. – Париж, 1931. – №5. – С. 283 – 285.
14. Литературная анкета // Числа. – Париж, 1931. – №5. – С. 286 – 289.

N. V. Letaeva

The branch of Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
in the town of Odintsovo
e-mail: n.letaeva@odin.mgimo.ru

**Phenomenon of L. Tolstoy in consciousness of Russian emigrants
(based on magazine of the Russian abroad “Chisla”)**

Key words: Russian Diaspora, literary critics, “Chisla”, younger generation of Russian writers of the first wave of emigration, L. N. Tolstoy.

The article fits into a modern Tolstoy’s study a magazine of the first wave of Russian emigration “Chisla”; colleagues of the magazine determined the place of L. Tolstoy in world culture, correlated Tolstoy’s artistic breakthroughs with the world-view of the creative intelligentsia of the Russian Diaspora.

А.А. Лукашанец

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі
e-mail: alukashanets@tut.by

УДК 811.161.3 + 821.161.3.09

**НАЦЫЯНАЛЬНАЯ МОВА І НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ЛІТАРАТУРА:
БЕЛАРУСКІЯ РЭАЛІІ ІДЭНТЫФІКАЦЫІ**

Ключавыя словы: нацыянальная мова, нацыянальная літаратура, беларуская літаратура, беларускамоўная літаратура, рускамоўная літаратура.

У артыкуле з пазіцыі блізкароднаснага беларуска-рускага двухмоўя і феномену двухмоўнай практыкі літаратурнай творчасці разглядаецца моўны крытэрыі нацыянальнай ідэнтыфікацыі твораў мастацкай літаратуры, а таксама ўдакладняецца сутнасць і змест паняццяў “беларуская літаратура”, “беларуская нацыянальная літаратура”, “беларускамоўная літаратура”, “рускамоўная літаратура Беларусі” і інш.

1. У сучасным дынамічным шматмоўным і шматкультурным свеце, калі дзякуючы новым эфектыўным сродкам камунікацыі фактычна сціраюцца межы паміж краінамі і народамі, праблема захавання нацыянальнай адметнасці і нацыянальнай ідэнтычнасці набывае асаблівую вострыню і актуальнасць. Зразумела, што гэтае пытанне хвалюе “малыя” і “вялікія” народы, “малыя” і “вялікія” культуры, таму што сучасная цывілізацыя складаецца з вялікай колькасці нацыянальных культур, кожная з якіх мае сваю адметнасць і сваю непаўторную каштоўнасць. Таму невыпадкова, што праблема захавання і развіцця нацыянальных культур, нацыянальных моў, нацыянальных літаратур, духоўнай спадчыны народаў, якія з’яўляюцца важнейшымі атрыбутамі кожнай сучаснай нацыі, сёння набывае глабальнае значэнне.

У XXI стагоддзі праблема захавання нацыянальнай адметнасці і нацыянальнай культуры для розных народаў стаіць па-рознаму. Гэта абумоўлена і асаблівасцямі гістарычнага развіцця, і ступенню інтэграванасці нацыянальнай культуры і гісторыі ў сусветную культуру і гістарычны працэс, значнасцю і месцам той ці іншай нацыянальнай культуры ў сусветнай супольнасці, роляй пэўнай культуры ў сусветным цывілізацыйным працэсе, а таксама асаблівасцямі моўна-культурнай сітуацыі ў нацыянальным соцыуме.

Усё гэта абумоўлівае вызначальную ролю беларускай мовы і беларускай літаратуры ў фарміраванні, падтрыманні і ўмацаванні нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці беларусаў у XXI стагоддзі, а таксама ролю мовы ў нацыянальнай маркіраванасці сучаснай беларускай літаратуры. Сітуацыя дзяржаўнага блізкароднаснага беларуска-рускага двухмоўя, рэальная двухмоўная кампетэнцыя сучаснага беларускага грамадства патрабуюць новага асэнсавання суадносін паняццяў “нацыянальная мова” і “нацыянальная літаратура”. У прыватнасці сёння асаблівую актуальнасць набываюць пытанні: наколькі істотнай з’яўляецца роля нацыянальнай беларускай мовы як маркера беларускай нацыянальнай літаратуры; якія складнікі літаратурнага твора дазваляюць адносіць